

Происхожденіе и развитіе нравственныхъ чувствъ *).

I

Мы получаемъ изъ внѣшняго міра ощущенія и различныя группы ощущеній—воспріятія, которыя сохраняются нашею памятью въ формѣ представленій и понятій. Каждое ощущение и воспріятіе сопровождается извѣстнымъ чувствованіемъ и бываетъ пріятнымъ или непріятнымъ. Тѣ же чувствованія пріятности или непріятности сопровождаютъ и соотвѣтствующія представленія и понятія, хотя уже въ гораздо болѣе слабой степени. Ощущенія и воспріятія всѣ происходятъ отъ воздѣйствія на насъ внѣшняго міра. Соотвѣтствующія же имъ чувствованія зависятъ исключительно отъ свойствъ и состояній воспринимающаго человѣка, вслѣдствіе чего одно и то же воспріятіе можетъ въ разное время сопровождаться различными чувствованіями и быть то пріятнымъ, то непріятнымъ. Ощущенія, воспріятія и происходящія отъ нихъ представленія и понятія служатъ для образованія идей и являются основою интеллектуальной дѣятельности. Соотвѣтствующія чувствованія служатъ для образованія сложныхъ чувствъ. Слѣдовательно, идеи и чувства являются неразрывно связанными другъ съ другомъ. Очевидно въ то же время, что,

---

*) Рѣчь, произнесенная на пятомъ годовомъ засѣданіи Общества невропатологовъ и психіатровъ, состоящаго при Императорскомъ Московскомъ Университетѣ, 24 октября 1894 года.

несмотря на эту неразрывную связь, одинаковыя идеи далеко не всегда сопровождаются одинаковыми чувствами: идеи происходят всецѣло изъ вліяній внѣшняго міра, которыя часто бываютъ общими для многихъ и даже для всѣхъ людей и, поэтому, часто бываютъ одинаковыми. Чувства же, зависящія исключительно отъ внутреннихъ свойствъ и состояній человѣка, могутъ быть у разныхъ людей совершенно различны при одинаковыхъ идеяхъ, и то, что пріятно одному, можетъ быть безразлично или непріятно другому. Правда, въ общемъ, вслѣдствіе основного однообразія организаціи у всѣхъ людей, въ большинствѣ случаевъ существуетъ и для чувствъ почти такое же совпаденіе, какъ для идей, но, тѣмъ не менѣе, такое совпаденіе не можетъ считаться обязательнымъ.

Такимъ образомъ, по идеямъ не всегда можно судить о соотвѣтствующихъ чувствахъ, точно также какъ одинаковыя чувства далеко не всегда сопровождаютъ одинаковыя идеи.

Эти общія психологическія замѣчанія сохраняютъ свое значеніе и по отношенію къ тѣмъ идеямъ и чувствамъ, которыя носятъ названіе нравственныхъ.

Для разграниченія, сравненія и объединенія разнообразныхъ ощущеній и воспріятій, получаемыхъ изъ внѣшняго міра, человѣкъ пользуется образуемыми въ его мозгу представленіями и понятіями, которыя представляютъ собою уже элементы отвлеченнаго мышленія. Съ помощью отвлеченной мысли мы можемъ въ немногихъ идеяхъ соединять безчисленное множество отдѣльныхъ понятій и представленій, соотвѣтствующихъ нѣкогда воспріятымъ нами ощущеніямъ. Чувства, соотвѣтствовавшія отдѣльнымъ воспріятіямъ и сопровождавшія ихъ, соотвѣтствуютъ также и наиболѣе отвлеченнымъ формамъ мысли. Поэтому, зная, какимъ отдѣльнымъ ощущеніямъ и воспріятіямъ соотвѣтствуетъ въ насъ извѣстное чувство, мы будемъ знать и то, какимъ оно будетъ соотвѣтствовать общимъ отвлеченнымъ

идеямъ, которыя суть не что иное, какъ обобщающая формула для тѣхъ же ощущеній и воспріятій.

Точно такъ же и для тѣхъ ощущеній и воспріятій, съ которыми въ насъ соединяются чувства, называемыя нравственными, мы можемъ найти извѣстную обобщающую отвлеченную формулу, которая покажетъ намъ во всемъ объемѣ предметъ нравственныхъ чувствъ и въ то же время дастъ ихъ главнѣйшую характеристику.

Разсматривая все безконечное разнообразіе предметовъ внѣшняго міра, мы видимъ, что всѣ ихъ можно раздѣлить на двѣ большія группы: одни возбуждаютъ въ насъ желаніе обладать ими, другіе же такого желанія совершенно не возбуждаютъ. Тѣ предметы, которыми мы желали бы обладать, служатъ для удовлетворенія потребностей нашего тѣла или нашего духа,—потребностей личныхъ, удовлетвореніе которыхъ можетъ доставить пріятное чувство только намъ самимъ. Предметы, возбуждающіе стремленіе къ обладанію, для разныхъ лицъ различны, за исключеніемъ тѣхъ, которые служатъ для удовлетворенія элементарныхъ потребностей нашего тѣла,—потребностей, которыя съ давнихъ временъ несправедливо называются животными,—но чувства, возбуждаемыя этими предметами, всѣ относятся въ одну группу и образуютъ собою, такъ называемыя, эгоистическія чувства.

Тѣ же предметы, которые не возбуждаютъ въ насъ стремленія къ обладанію, не остаются однако для насъ безразличными, такъ какъ по основному свойству человѣческаго духа всякое воспріятіе бываетъ пріятнымъ или непріятнымъ, будучи безразличнымъ лишь въ рѣдкихъ случаяхъ и притомъ лишь на нѣкоторое время.

Чувства, возбуждаемыя въ насъ предметами и явленіями внѣшняго міра, съ которыми у насъ совершенно не соединяется стремленія къ обладанію, отличаются необыкновеннымъ разнообразіемъ. Уже неодушевленная природа, солнечный свѣтъ, небо, столь измѣнчивое въ своей красо-

тѣ, вода, земная поверхность съ своими разнообразными очертаніями и постоянно мѣняющейся окраской и грозныя явленія природы, борьба стихій — возбуждаютъ въ насъ то чувства тихаго удовольствія и радости, то чувства беспокойства, страха и даже смертельнаго ужаса.

Одушевленная природа оказываетъ такое же вліяніе. Пѣніе соловья и рыканье льва, зрѣлище плавающихъ лебедей и видъ отвратительныхъ пресмыкающихся — могутъ служить достаточно ясными примѣрами различія чувствъ, которыя возбуждаютъ въ насъ живыя существа.

Что касается людей, то и они производятъ въ насъ, равно какъ и другъ въ другѣ, подобныя же чувства, хотя и съ другими оттѣнками: съ одной стороны — привѣтливья лица, ласковыя рѣчи, готовность оказать помощь, съ другой — воинскіе доспѣхи и угроза смертью.

И съ незапамятныхъ временъ человѣкъ раздѣлялъ міръ соотвѣтственно этимъ двумъ разрядамъ чувствъ. Все то, что производило чувства пріятныя, обозначалось какъ добро, все же, что заключало въ себѣ смерть и разрушеніе, обозначалось какъ зло.

Такимъ образомъ, понятія добра и зла образовались независимо отъ отношенія явленій природы къ личнымъ потребностямъ человѣка.

Созерцая развертывавшійся передъ его глазами внѣшній міръ со всѣмъ разнообразіемъ его формъ и жизни, человѣкъ испытывалъ извѣстное пріятное чувство, которое какъ бы увеличивало его чувство жизни и какъ бы сливало его съ остальнымъ міромъ. Что касается происхожденія этого чувства удовольствія, то мы не можемъ усмотрѣть здѣсь какого-либо иного процесса въ сравненіи со всѣми другими чувствами.

Самое простое воспріятіе можетъ быть намъ пріятно или непріятно въ зависимости отъ ничтожнѣйшихъ измѣненій. Такъ, что касается формы, то если мы возьмемъ, напри- мѣръ, прямую линію извѣстной длины и станемъ дѣлить ее, то чувство гармоніи появляется въ насъ лишь при дѣленіи

этой линіи въ извѣстномъ отношеніи. Это зависитъ всецѣло отъ строенія нашего органа зрѣнія. То же надо сказать и объ органѣ слуха,—такъ какъ всѣмъ извѣстно, что гармоническими намъ кажутся лишь извѣстныя сочетанія звуковъ,—сочетанія, хорошо изученныя въ настоящее время и допускающія точное математическое выраженіе,—и о вкусовыхъ, осязательныхъ и обонятельныхъ впечатлѣніяхъ. Последнія три чувства имѣютъ однако ту особенность, что относятся только къ предметамъ, приходящимъ въ непосредственное соприкосновеніе съ нашимъ тѣломъ, и совершенно не могутъ служить намъ для оцѣнки того, что находится вдали отъ насъ, вслѣдствіе чего почти исключительно имѣютъ характеръ чувствъ эгоистическихъ. Только съ помощью зрѣнія и слуха мы можемъ воспринимать свойства предметовъ весьма отъ насъ удаленныхъ, и только съ помощью этихъ двухъ чувствъ мы можемъ созерцать міръ во всемъ его цѣломъ, причемъ количество образовъ, доставляемыхъ намъ зрѣніемъ, безконечно превосходитъ количество слуховыхъ воспріятій, и неизмѣримость разстояній, съ которыхъ мы получаемъ зрительныя впечатлѣнія, не имѣетъ себѣ никакого сравненія въ дѣятельности другихъ органовъ чувствъ.

Такими свойствами зрѣнія вполне объясняется та громадная роль, которую играетъ оно въ нашей психической жизни.

Итакъ, мы не относимся безразлично даже къ формѣ отдѣльныхъ предметовъ. Извѣстная форма, извѣстное сочетаніе частей производятъ въ насъ пріятныя чувствованія; другая форма, другое сочетаніе производятъ чувствованія непріятныя.

Любопытно, что человекъ лишь съ большимъ трудомъ можетъ выдѣлить тѣ элементы, изъ которыхъ слагается пріятное чувство, чѣмъ и объясняется та медленность и трудность, съ которыми соединяется пріобрѣтеніе правильного эстетическаго вкуса и пониманія. Между тѣмъ изъ разно-

образнейших сочетаний форм и красок в природѣ лишь весьма немногія сочетанія возбуждаютъ въ насъ чувство непріятное, и притомъ, въ большинствѣ случаевъ, это непріятное чувство не есть чувство основное, а соединенное съ чувствомъ страха. Такъ, напримѣръ, видъ змѣи или тигра наполняетъ насъ ужасомъ и отвращеніемъ, если только эти животныя появляются въ непосредственной близости отъ насъ и угрожаютъ, слѣдовательно, нашей жизни. Въ этотъ моментъ не можетъ быть никакой рѣчи о томъ, чтобы мы могли испытывать какое-либо пріятное чувство по отношенію къ этимъ животнымъ. Но пусть намъ покажутъ ту же змѣю и того же тигра въ условіяхъ полной для насъ безопасности,—и тотчасъ мы будемъ любоваться переливами красокъ и стройностью движеній и въ связи съ испытываемымъ удовольствіемъ почувствуемъ къ этимъ животнымъ нѣкоторое расположеніе.

Это чувство удовольствія, возбуждаемое въ насъ внѣшнимъ міромъ какъ во всемъ его цѣломъ, такъ и въ отдѣльных частяхъ, называется эстетическимъ чувствомъ.

Это же чувство удовольствія, возбуждаемое въ насъ тѣмъ или другимъ явленіемъ природы, заключаетъ въ себѣ и желаніе, чтобы то, что вызвало это чувство, продолжало существовать. Все, что грозитъ разрушеніемъ этому явленію, производитъ въ насъ чувство тревоги и безпокойства, и наконецъ, если то, что нравилось намъ, исчезаетъ или разрушается, въ насъ возникаетъ чувство грусти и сожалѣнія, столь же безкорыстное, какъ и предшествовавшее желаніе продолженія существованія. Всѣмъ извѣстнымъ примѣромъ такого отношенія къ внѣшней природѣ можетъ служить то чувство грусти, которое мы испытываемъ осенью, особенно у насъ на сѣверѣ, когда кипучая лѣтняя жизнь замираетъ и прекращается, и то чувство радости, которое мы испытываемъ весной при возрожденіи природы къ новой жизни. Эта грусть и эта радость результатъ нашей интимной связи съ окружающимъ насъ міромъ, въ которомъ мы живемъ и часть котораго мы составляемъ, суть уже выра-

женіе нравственнаго чувства. Идея о связи нашей съ этимъ міромъ, однако, совершенно не возникаетъ при этомъ. Наша грусть есть лишь выраженіе утраты той массы эстетическихъ впечатлѣній, которыя доставляли намъ радость и тѣмъ увеличивали наше чувство жизни.

Анализируя это чувство грусти, мы должны сказать, что оно представляется въ сущности неразложимымъ и является непосредственнымъ результатомъ исчезновенія пріятныхъ эстетическихъ впечатлѣній. Быть можетъ, однако, эта грусть по исчезающей жизни есть результатъ болѣе сложныхъ ассоціацій, и, быть можетъ, въ его происхожденіи играетъ роль самое понятіе жизни, этого чуднаго и таинственнаго явленія, донинѣ не разгаданнаго человѣкомъ?

На это надо отвѣтить отрицательно. Всѣ главнѣйшія перемѣны, происходящія на глазахъ человѣка, обусловливаются жизнью. Рожденіе, ростъ и умираніе—вотъ чѣмъ наполняется окружающій человѣка міръ; жизнь и смерть—вотъ два начала, приносящія ему наибольшее количество впечатлѣній,—и человѣкъ научается и привыкаетъ любить жизнь внѣ себя, жизнь въ окружающей его природѣ, еще задолго до того, какъ онъ начинаетъ томиться желаніемъ разгадать, что такое жизнь. Такъ же непосредственно человѣкъ научается и бояться смерти, т. е. разрушенія и прекращенія милой ему и веселящей его жизни.

Любовь къ жизни въ окружающемъ мірѣ и страхъ гибели и прекращенія этой внѣшней жизни суть уже наиболѣе сильное и опредѣленное выраженіе нравственныхъ или альтруистическихъ чувствъ. Очевидно, что они совершенно отличны по своему предмету отъ чувствъ эгоистическихъ, которыя всецѣло ограничиваются интересами одного индивидуума, ихъ испытывающаго. И хотя нравственныя чувства также могутъ быть источникомъ радости, почему нѣкоторые мыслители и полагали возможнымъ включить ихъ въ кругъ чувствъ эгоистическихъ, тѣмъ не менѣе разница въ происхожденіи будетъ служить вѣчною границей между ними. Нравственныя чувства имѣютъ свое единственное

происхождение въ томъ, что совершается во внѣшнемъ мірѣ, и ихъ вліяніе обнаруживается также лишь по отношенію къ внѣшнему міру.

Итакъ, идея добра и зла возникла у человѣка изъ впечатлѣній внѣшняго міра, внѣ прямого отношенія къ его личному существованію, хотя, естественно, добро во внѣшнемъ мірѣ—жизнь—было добромъ и для него, и зло во внѣшнемъ мірѣ—смерть—было зломъ и для него.

Пріятныя впечатлѣнія возбуждаютъ въ человѣкѣ чувство удовольствія. Одновременно съ этимъ у него возникаетъ желаніе, чтобы предметы, производящіе эти впечатлѣнія, сохранялись и продолжали существовать. Но смерть и разрушеніе непонятнымъ, таинственнымъ образомъ безпрестанно смѣняютъ жизнь и возникновеніе, возбуждая у человѣка удивленіе и опасеніе, что предметы, производящіе въ немъ удовольствіе, могутъ исчезнуть.

Слѣдовательно, одно и то же явленіе, въ одинъ и тотъ же моментъ, обусловливаетъ возникновеніе чувства удовольствія, при достаточной интенсивности переходящаго въ чувство восторга и удивленія, вытекающее отсюда желаніе сохраненія и продолженія существованія явленія, обусловившаго это чувство удовольствія, и, вновь вытекающей изъ желанія сохраненія, страхъ, что это явленіе можетъ исчезнуть. Но чувства страха, удивленія и восторга суть уже элементы чувства религіознаго.

Человѣкъ видѣлъ происходящія въ мірѣ перемѣны, но причины этихъ перемѣнъ оставались для него скрытыми. Онъ не могъ разгадать, что двигало несущіяся надъ нимъ тучи, что зажигало въ нихъ молнію и какъ бы заставляло содрогаться вселенную страшными ударами грома, что двигало солнце, которое согрѣвало землю и способствовало распространенію жизни,—и онъ сталъ населять вселенную различными божествами, приписывая имъ различное вліяніе на міръ и на свое собственное существованіе. На эти божества онъ естественно перенесъ и свое отношеніе къ силамъ природы, свое удивленіе и восторгъ, свой страхъ и

покорность. Ничтожный и слабый передъ могучей и неумолимой природой, онъ былъ такъ же ничтоженъ и слабъ и передъ созданными имъ самимъ божествами. И какъ въ природѣ всюду было два начала: жизнь и смерть, добро и зло, — такъ и божества раздѣлились на добрыхъ и злыхъ. Яснѣе и лучше всего это раздѣленіе выступаетъ въ вѣрованіяхъ персовъ, по которымъ существуютъ лишь два всесильныхъ божества—Ормуздъ и Ариманъ, божество доброе и божество злое, находящіяся между собою въ вѣчной борьбѣ. Прочіе народы, подобно нашимъ предкамъ—славянамъ, допускали безчисленное множество разныхъ божествъ, и лишь одинъ еврейскій народъ съ древнѣйшихъ временъ хранилъ идею о Богѣ Единомъ, носящемъ въ себѣ жизнь и смерть, причемъ враждебный Богу духъ, діаволь, былъ лишь причиною Божьяго гнѣва.

Слѣдовательно, религіозное чувство возникло изъ того же источника, какъ и чувство эстетическое и нравственное, и при всякомъ анализѣ развитія одного изъ этихъ чувствъ необходимо принимать во вниманіе и развитіе двухъ другихъ и общность ихъ происхожденія.

Такимъ образомъ, первоначальнымъ источникомъ нравственныхъ чувствъ была окружавшая человѣка природа. И можно сказать, что нравственныя чувства развились бы у человѣка даже при условіи его полнаго одиночества.

Но одиночество суждено лишь весьма малому числу людей, и притомъ никогда оно не бываетъ полнымъ и непрерывнымъ. Съ незапамятныхъ временъ человѣкъ обнаруживалъ общественныя наклонности и любилъ находиться среди себѣ подобныхъ. Этимъ обстоятельствомъ опредѣляется значеніе другого фактора въ происхожденіи и развитіи нравственныхъ чувствъ, который заключается въ сочувствіи.

Вслѣдствіе общности организаціи, вслѣдствіе общности источниковъ происхожденія идей и вслѣдствіе зависящей отъ этого одинаковости выраженія ощущеній, между людьми установилась весьма оригинальная связь: ощущенія и чув-

ства, выражаемая однимъ лицомъ, какъ бы воспроизводятся другимъ, хотя и въ очень несовершенномъ видѣ, преимущественно лишь въ смыслѣ качественного сходства. Наиболѣе важную роль играютъ при этомъ чувства, имѣющія наиболѣе рѣзкое внѣшнее выраженіе,—слѣдовательно, всѣ наиболѣе интенсивныя чувства, такъ называемые, аффекты: аффекты радости, выражаемые восклицаніями удовольствія, смѣхомъ, быстрыми тѣлодвиженіями, равно какъ и аффекты печали, выражаемые слезами, криками, жестами отчаянія. То же надо сказать относительно гнѣва, отвращенія и т. п. Чувства, испытываемыя однимъ человѣкомъ, воспроизводятся и въ другомъ человѣкѣ съ тѣмъ же характеромъ, какой они имѣли у перваго, но съ замѣтною разницею въ степени. Мы никогда не въ состояніи испытать и сотой доли того дѣйствительнаго горя или той радости, которыя на нашихъ глазахъ испытываетъ другой. Надо замѣтить также, что чувства, возбуждаемыя такимъ образомъ, вслѣдствіе непосредственнаго вліянія на насъ соотвѣтствующихъ впечатлѣній, принадлежатъ къ числу наименѣе стойкихъ чувствъ: какъ бы мы ни были потрясены какимъ бы то ни было зрѣлищемъ, наше впечатлѣніе тотчасъ ослабѣваетъ, какъ только мы не видимъ болѣе этого зрѣлища; какъ бы ни потрясъ наши нервы какой-нибудь звукъ, мы успокоиваемся, какъ только перестаемъ его слышать.

Способность воспроизводить въ себѣ чувства, испытываемыя другими людьми, носить названіе сочувствія. Есть еще два слова, которыя употребляются обыкновенно безразлично, какъ имѣющія одинаковый смыслъ: это—симпатія и состраданіе. Въ дѣйствительности же значеніе ихъ не одинаково.

Симпатія—это сложное и глубокое чувство, возникающее въ зависимости отъ неизвѣстныхъ намъ физиологическихъ свойствъ и особенностей,—выражается въ томъ, что люди известной организациі чувствуютъ влеченіе къ людямъ подобной же организациі. Это чувство чрезвычайно распространено, и надо сказать, что не только нѣтъ такого чело-

вѣка, который не испытывалъ бы этого чувства по отношенію ко многимъ людямъ, но надо сказать даже, что обычно у каждаго оно распространяется на большинство людей. Это чувство, несмотря на свою глубину, обыкновенно бываетъ слабымъ и съ трудомъ допускаетъ свое точное опредѣленіе и характеристику. Можно сказать только, что оно происходитъ изъ чисто-физиологическихъ свойствъ организма: присутствіе симпатичныхъ лицъ, ихъ близость въ физическомъ смыслѣ, ихъ прикосновеніе, звукъ ихъ голоса, ихъ движенія — все намъ доставляетъ извѣстное удовольствіе. И наоборотъ, при существованіи обратнаго чувства антипатіи, по причинамъ для насъ совершенно необъяснимымъ, мы будемъ испытывать непріятное чувство отъ присутствія другихъ лицъ, которыхъ мы и называемъ поэтому антипатичными. Къ счастью, это чувство значительно рѣже, чѣмъ чувство симпатіи, и число дѣйствительно непріятныхъ, антипатичныхъ людей для каждаго отдѣльнаго человѣка обыкновенно бываетъ весьма невелико.

Эти чувства симпатіи и антипатіи не опредѣляются ни возрастомъ, ни поломъ, ни расовыми, ни племенными особенностями. Въ ихъ основѣ лежитъ неразгаданное доннынѣ родство организацій, и они могутъ считаться такимъ образомъ основными человѣческими чувствами.

Сочувствіе есть временное чувство, возникающее лишь въ отвѣтъ на тѣ или другія выраженія чувствъ, испытываемыхъ другимъ человѣкомъ. На появленіе этого чувства мало оказываетъ вліянія существованіе симпатіи или антипатіи. Необходимо лишь существованіе извѣстныхъ чувствъ въ достаточно сильной степени, — и мы въ большей или меньшей мѣрѣ сочувственно испытываемъ ихъ въ свою очередь. И чѣмъ элементарнѣе, чѣмъ менѣе сложны будутъ эти чувства, тѣмъ болѣе рѣзко и закончено будетъ ихъ внѣшнее выраженіе и тѣмъ скорѣе они найдутъ въ насъ сочувствіе.

Состраданіе есть лишь видъ сочувствія. Подъ этимъ именемъ слѣдуетъ разумѣть нашу способность воспроизводить въ себѣ непріятныя чувства, страданія другого человѣка.

Обыкновенно это чувство отождествляется съ чувствомъ жалости, что далеко не правильно, такъ какъ жалость никакъ не есть переживаніе или испытываніе нами того страданія, которое испытываетъ другой человѣкъ, не есть, слѣдовательно, отблескъ или воспроизведеніе чужого страданія, но самостоятельное чувство, возникающее въ насъ лишь по поводу страданій другого.

Отъ чувства жалости и состраданія нѣсколько отличается чувство соболѣзнованія. Соболезнаваніе является тогда, когда у насъ возникаетъ одинаковое съ другимъ человѣкомъ чувство печали по отношенію къ одному и тому же предмету. Здѣсь чувство оказывается одинаковымъ не потому, слѣдовательно, что оно возникло въ насъ по сочувствію или по состраданію, а лишь потому, что для насъ самихъ извѣстное явленіе столь же неприятно, какъ и для другого лица, съ чувствами котораго совпадаютъ въ данный моментъ наши чувства.

Этою разницей между состраданіемъ и соболезнаваніемъ объясняется и то ежедневно наблюдаемое явленіе, что люди, понесшіе тяжелую утрату, всячески стараются не подать ни малѣйшаго повода къ выраженію сожалѣнія, имѣющаго предметомъ ихъ собственную личность, тогда какъ никто никогда не искалъ укрыться отъ выраженной соболезнаванія, если только та тонкая, но существенная разница между соболезнаваніемъ и сожалѣніемъ, о которой идетъ рѣчь, была соотвѣтственнымъ образомъ принята во вниманіе.

Легко видѣть, что изъ разсмотрѣнныхъ чувствъ наибольшее значеніе имѣютъ симпатія и сожалѣніе. Сочувствіе и состраданіе суть чувства, возникающія лишь въ зависимости отъ преходящихъ состояній другихъ лицъ, причемъ они въ значительной степени зависятъ отъ способа выраженія этихъ состояній и отъ присутствія соотвѣтствующихъ лицъ, по отношенію къ которымъ они возникаютъ. Это—чувства, возникающія непосредственно изъ ощущеній и столь же нестойкія, какъ ощущенія. Стоитъ отвернуться, чтобы не видѣть потрясающаго зрѣлища, или закрыть уши, чтобы не

слышать раздирающихъ криковъ,—и впечатлѣніе и соотвѣтствующее ему чувство ослабѣваютъ немедленно.

Что же касается чувствъ симпатіи и сожалѣнія, то очевидно, что они относятся между собою какъ положительное и отрицательное чувство одного и того же характера и, слѣдовательно, имѣютъ одинъ источникъ происхожденія. Въ чемъ заключается этотъ источникъ?

Я уже сказала, что симпатія обуславливается недостаточно извѣстными намъ физиологическими условіями,— другими словами, что прямое опредѣленіе вліяній, вызывающихъ чувство симпатіи, въ настоящее время для насъ невозможно. Но вопросъ можно пытаться разрѣшить косвеннымъ путемъ

Во-первыхъ, слѣдуетъ принять во вниманіе тотъ фактъ, что въ происхожденіи физическаго влеченія, по крайней мѣрѣ, у лицъ различнаго пола играетъ иногда существенную роль запахъ. Это обстоятельство достаточно извѣстно.

Далѣе, существуютъ явленія, къ которымъ мы всегда относимся отрицательно, которыя всегда возбуждаютъ въ насъ извѣстный ужасъ и отвращеніе. Къ числу такихъ явленій относятся, напримѣръ, насиліе, грабежъ, убійство. Вслѣдствіе этого человѣкъ, совершающій такого рода дѣйствія, внушаетъ намъ отвращеніе. Но пусть разбойникъ предстанетъ намъ въ изящномъ образѣ, и мы невольно поддаемся извѣстному очарованію. Правда, мы ищемъ при этомъ идеальной подкладки для нашей симпатіи, но не слѣдуетъ забывать, что все это требуется намъ лишь для объясненія уже возникшей симпатіи и что во множествѣ другихъ случаевъ мы такой идеальной подкладки не только не ищемъ, но даже не видимъ ея и тамъ, гдѣ она въ значительной степени обуславливаетъ собою поступки людей.

Такимъ образомъ, и въ происхожденіи чувства симпатіи играетъ большую роль элементъ эстетическій. По крайней мѣрѣ, исключить его не представляется никакой возможности.

Сопоставляя чувства симпатіи и сожалѣнія съ тѣмъ чувствомъ, которое, при созерцаніи природы, возбуждала въ насъ жизнь во всѣхъ разнообразныхъ формахъ ея проявленія, и съ тѣмъ чувствомъ грусти, которое возникаетъ въ насъ при исчезновеніи жизни, мы должны признать между ними совершенную аналогію, даже тождество. И когда у человѣка жизнерадостнаго возникаетъ чувство любви и доброжелательства къ людямъ,—ко всѣмъ людямъ безъ исключенія,—то оно ничѣмъ не отличается отъ того чувства любви ко всему живущему, которое поэты обозначаютъ какъ „желаніе обнять весь міръ“. Вслѣдствіе этого одно изъ этихъ чувствъ какъ бы дополняетъ и исправляетъ другое, и природа какъ бы живетъ съ нами одною жизнью. Тѣ чувства радости и печали, которыя мы испытываемъ среди людей, не имѣютъ людей своимъ единственнымъ источникомъ, но суть лишь выраженія тѣхъ же чувствъ, которыя, хотя и въ болѣе слабой степени, возбуждаетъ въ насъ міръ во всемъ его цѣломъ.

Изъ сказаннаго, очевидно, вытекаетъ опредѣленіе нравственныхъ чувствъ и стремленій человѣка, какъ стремленіе увеличить и улучшить жизнь на землѣ.

Такова формула для тѣхъ положительныхъ чувствъ радости, которыя присущи человѣку и которыя возникаютъ въ немъ въ прямой и единственной зависимости отъ перемѣнъ, происходящихъ въ окружающемъ его мірѣ.

Жизнь не слѣдуетъ понимать при этомъ только какъ существованіе, но и какъ дѣятельность, вслѣдствіе чего и формы жизни могутъ быть высшими и низшими, въ зависимости отъ большаго или меньшаго разнообразія присущей имъ дѣятельности. Въ этомъ отношеніи мы видимъ переходы отъ элементарнѣйшихъ организмовъ, обнаруживающихъ способность лишь къ вѣчно одинаковымъ, однообразнымъ, простѣйшимъ движеніямъ, до необыкновенно разнообразной и потому постоянно новой дѣятельности человѣка. Естественно поэтому, что и нравственные чувства, развивающіяся въ точномъ параллелизмѣ съ чувствами эстетически-

ми и изъ одного съ ними источника, достигаютъ наибольшей интенсивности по отношенію къ наиболѣе высоко организованной человѣческой жизни. Но и въ одномъ и томъ же индивидуумѣ жизнь можетъ обнаруживаться въ различной степени въ зависимости отъ множества условій его существованія. И чѣмъ неблагопріятнѣе условія существованія индивидуума, тѣмъ ниже форма жизни, чѣмъ болѣе препятствій для правильнаго обнаруженія имъ всей той дѣятельности, на которую онъ способенъ, тѣмъ далѣе онъ будетъ отстоять отъ той красоты, которая ему присуща, и тѣмъ менѣе будетъ онъ удовлетворять нравственное чувство другого человѣка. Поэтому люди, ослабленные нищетой и болѣзнями, принужденные вести суровую борьбу за существованіе и нерѣдко побѣждаемые въ этой борьбѣ, будутъ вѣчно служить источникомъ печали и сожалѣнія для тѣхъ, кто понимаетъ всю степень несоотвѣтствія между дѣйствительнымъ положеніемъ людей, обездоленныхъ судьбою, и тою полнотой жизни и дѣятельности, которую они могли бы обнаружить при другихъ условіяхъ...

Но чувства отрицательныя и, главнымъ образомъ, состраданіе также требуютъ своего выраженія и, такимъ образомъ, окончательное опредѣленіе нравственныхъ стремленій человѣка принимаетъ слѣдующее выраженіе:

Увеличить и улучшить жизнь въ мірѣ и уменьшить страданія.

Такова высшая формула нравственности, такова высшая цѣль жизни человѣка.

Итакъ, нравственныя чувства раздѣляются на положительныя и отрицательныя. Положительныя нравственныя чувства, выражающіяся въ стремленіи увеличить и улучшить жизнь, допускаютъ возможность развитія, не имѣющаго предѣловъ, и именно развитіе этихъ положительныхъ чувствъ имѣетъ наиболѣе важное значеніе по отношенію къ воспитанію.

Къ сожалѣнію, далеко не рѣдко можно встрѣтить мнѣніе, что нравственныя чувства суть прямой результатъ состра-

данія и что въ интересахъ развитія нравственныхъ чувствъ желательно развитіе сострадательности. Это заблужденіе ведетъ къ тому, что излишне чувствительный человѣкъ начинаетъ усиленно и несоотвѣтственно страдать при видѣ страданій другихъ и, по естественному чувству самосохраненія, стремится уйти отъ тягостныхъ впечатлѣній и въ то же время, не имѣя положительныхъ нравственныхъ чувствъ и стремленій, остается въ этомъ отношеніи совершенно бездѣятельнымъ, примѣры чего можно видѣть ежедневно.

Между тѣмъ легко показать, что состраданіе не есть единственный и даже первостепенный нравственный двигатель. Если мы имѣемъ передъ собою большія страданія во время болѣзни, угрожающей жизни, и если наступаетъ уже моментъ, когда всякая надежда на спасеніе потеряна, въ насъ можетъ явиться вопросъ, что лучше: прекратить жизнь для прекращенія страданій, или поддерживать жизнь, поддерживая вмѣстѣ съ тѣмъ и страданія? Отвѣтъ на это совершенно ясенъ и непосредственно опредѣляется нравственнымъ чувствомъ человѣка, и отвѣтъ этотъ будетъ таковъ: поддержать жизнь, хотя бы цѣною страданій. Поэтому будетъ вполне понятно то глубокое возмущеніе нравственнаго чувства, которое испытываетъ врачъ, когда люди въ смятеніи духа, измученные страданіями своихъ близкихъ, обращаютъ къ нему этотъ вопросъ, какъ бы желая найти источникъ смерти въ искусствѣ сохранять и поддерживать жизнь. Еще очевиднѣе будетъ сопоставленіе, когда мы возьмемъ примѣръ величайшихъ страданій, не угрожающихъ опасностью для жизни. Въ такихъ случаяхъ прекратить жизнь для прекращенія страданій не придетъ въ голову самому сострадательному человѣку. Слѣдовательно, есть болѣе глубокое основаніе для нравственнаго чувства, чѣмъ состраданіе, и это основаніе есть любовь къ жизни.

II.

Какъ ни глубоко происхожденіе нравственныхъ чувствъ, тѣ чувства, которыя лежатъ въ ихъ основѣ, испытываются

человѣкомъ во всей своей силѣ лишь въ то время, когда онъ въ состояніи спокойно созерцать природу и людей. Но лишь только въ немъ возникаютъ побужденія, происходящія отъ его собственныхъ внутреннихъ потребностей, такъ всѣ остальные чувства блѣднѣютъ и исчезаютъ, и чѣмъ интенсивнѣе потребность, тѣмъ болѣе вытѣсняетъ она всѣ остальные. Вслѣдствіе этого, какъ только у человѣка возникнетъ чувство голода, жажды, вообще стремленіе къ обладанію въ виду удовлетворенія какой бы то ни было потребности, такъ немедленно эти возникшія эгоистическія побужденія становятся стимулами для дѣятельности. Но чѣмъ болѣе чувства связаны съ воспріятіями и представленіями, и особенно съ группами представлений, тѣмъ болѣе сохраняется память о нихъ. Поэтому и память о нравственныхъ чувствахъ, возникающихъ въ насъ въ связи чуть не со всею массою зрительныхъ образовъ, сохраняется даже въ то время, когда эгоистическія побужденія достигаютъ наибольшей силы. Отсюда возникаетъ неустранимое противорѣчіе между чувствами нравственными и эгоистическими. За минуту человѣкъ радовался окружающей его жизни: онъ любовался красотою фруктовъ, быстротой движенія птицъ, кроткими глазами ягненка, котораго гладилъ по мягкой шерсти и кормилъ изъ своихъ рукъ,—и вотъ, возникающій въ немъ голодъ требуетъ смерти и уничтоженія именно того, что только-что доставляло ему радость. И человѣкъ съ ужасомъ видитъ, что онъ самъ—источникъ смерти въ мірѣ. Отсюда проистекаетъ то страшное осужденіе плоти, которое мы встрѣчаемъ въ человѣчествѣ, какъ только оно начинаетъ вырабатывать общія идеи; отсюда—ученіе о тяготѣющемъ на насъ первородномъ грѣхѣ, отсюда, наконецъ, то сознаніе нашего нравственнаго несовершенства, которое каждый изъ насъ носитъ въ своемъ сердцѣ.

Изъ этого противорѣчія между чувствами нравственными, чувствами доброжелательства и сохраненія, и эгоистическими побужденіями рождается и чувство раскаянія, чувство

грусти и сожалѣнія о своихъ дѣйствіяхъ, несогласныхъ съ нашими собственными нравственными чувствами. Это чувство раскаянія можетъ быть довольно острымъ и причинять настоящее страданіе, степень котораго вполне опредѣляется степенью развитія нравственныхъ чувствъ. Чувство раскаянія не слѣдуетъ смѣшивать съ чувствомъ стыда. Стыдъ есть чувство исключительно эгоистическое и имѣетъ своимъ основаніемъ страхъ осужденія, почему совершенно не можетъ служить показателемъ степени развитія нравственныхъ чувствъ. Раскаяніе же возникаетъ въ душѣ человѣка безъ всякаго отношенія къ мнѣніямъ другихъ людей и можетъ явиться и тогда, когда человѣкъ находится наединѣ съ самимъ собою,—и только такое раскаяніе можетъ считаться истиннымъ, такъ какъ оно будетъ обуславливаться единственно силою нравственныхъ стремленій испытывающаго его человѣка. Такое раскаяніе называется упрекомъ совѣсти.

Понятіе совѣсти не имѣетъ самостоятельнаго опредѣленія и опредѣляется обыкновенно въ зависимости отъ того, какъ объясняется то, что называется раскаяніемъ, угрызеніями или упреками совѣсти. Поэтому, изъ сказаннаго совершенно очевидно, что подъ совѣстью слѣдуетъ разумѣть всю совокупность нравственныхъ стремленій человѣка.

Раскаяніе возникаетъ не только изъ противорѣчія между нравственными и эгоистическими чувствами, но и изъ противорѣчія между эгоистическими побужденіями и тѣмъ, что называется нравственнымъ долгомъ. Это не одно и то же, такъ какъ между нравственнымъ чувствомъ и нравственнымъ долгомъ существуетъ совершенно опредѣленное различіе. Именно, нравственное чувство любви и доброжелательства по отношенію къ внѣшнему міру возникаетъ у человѣка, какъ и всѣ прочія чувства, съ наибольшею силою во время существованія непосредственныхъ воспріятій и затѣмъ продолжаетъ сохраняться тѣмъ живѣе, чѣмъ ярче память объ этихъ воспріятіяхъ и даже чѣмъ образнѣе память, т.-е. чѣмъ болѣе точно сохраняются эти воспріятія. Но

всякое чувство измѣняется въ своей силѣ въ зависимости отъ множества внутреннихъ причинъ и можетъ то ослабѣвать, то вновь усиливаться въ то время, какъ воспоминаніе о вызвавшихъ эти чувства образахъ будетъ сохраняться во всей своей неприкосновенности. Поэтому и въ то время, когда у человѣка его эгоистическія потребности увеличиваются въ силѣ, сопровождающія ихъ эгоистическія чувства, по общему закону замѣны психическихъ состояній, вытѣсняють нравственные чувства. Но память о тѣхъ дѣйствіяхъ, которыя были связаны съ этими временно исчезающими нравственными чувствами, сохраняется безъ измѣненія. Эта память, эта идея дѣйствій, необходимо вытекающихъ изъ нравственного чувства и обусловленныхъ этимъ чувствомъ, какъ еслибъ оно продолжало существовать, и есть идея нравственного долга. И нужно сказать, что противорѣчіе между эгоистическими стремленіями и нравственнымъ долгомъ бываетъ даже чаще, чѣмъ непосредственное противорѣчіе между чувствами нравственными и эгоистическими: чувства видоизмѣняются и колеблются подъ вліяніемъ разнообразныхъ внутреннихъ и внѣшнихъ условій, идеи же, и преимущественно тѣ, которыя имѣютъ наиболѣе общій характеръ и входятъ какъ постоянная составная часть въ содержаніе сознанія человѣка, сохраняются весьма стойко. А такой общей основной идеей является и идея нравственного долга, которую можно назвать даже наиболѣе общей, такъ какъ она вытекаетъ изъ отношеній человѣка къ окружающему внѣшнему міру,—изъ отношеній, которыя начинаются и кончаются вмѣстѣ съ жизнью человѣка.

Въ прямой зависимости отъ существованія противорѣчія между нравственными и эгоистическими побужденіями человѣка находится и раздѣленіе его дѣйствій на добродѣтели и пороки. Характеристика тѣхъ и другихъ, разъ мы имѣемъ опредѣленіе нравственного чувства, не представляетъ никакого затрудненія. Добродѣтели являются прямымъ слѣдствіемъ основной нравственной идеи—увеличить и улучшить жизнь на землѣ и уменьшить страданія. Слѣдовательно, все

то, что будет способствовать сохранению и развитию жизни в мире, будет истинною добродетелью. Таким образом, умеренность, воздержание, кротость, милосердие и т. д. суть добродетели, подобно тому как несдержанность страстей, жестокость, алчность и т. д. будут пороками, вечно, при всяких условиях, возмущающими нравственное чувство и подлежащими осуждению.

Нам необходимо рассмотреть еще одно неустрашимое противоречие, которое вечно живет в душе человека. Лишь только в нас возникает по отношению к другому человеку чувство вражды, тотчас наши нравственные чувства к этому человеку ослабевают и могут совершенно уничтожиться, даже больше: в нас как бы возникает желание, чтобы этот человек уничтожился,—другими словами, человек желает гибели своим врагам. При этом причина, по которой человек считается врагом, не имеет никакого значения: нужно только, чтобы в сознании с представлением об известном человеке складывалось и представление о враге, чтобы одновременно возникало и желание уничтожения. Но в то же время человек ясно сознает всю безнравственность подобного желания, все его противоречие с своим нравственным идеалом, по крайней мере, в тех случаях, где враг не угрожает ему непосредственной опасностью. Несмотря на это, человек не в силах избавиться от столь важного и столь унижающего для него влияния чувства вражды, и слова: „любите враговъ ваших“—продолжают оставаться божественным предписанием, вполне соответствующим собственным нравственным стремлениям человека и потому вполне понятным, но, тем не менее, не выполнимым.

Яркий пример такого влияния вражды я заимствую из романа Готфрида Келлера „Зеленый Генрих“, где автор рассказывает следующий случай.

Он имел в школе друга, которого очень любил и которому охотно подчинялся, так как тот был двумя го-

дами старше его. Затѣмъ, вслѣдствіе разныхъ мелкихъ обстоятельствъ, когда выяснилось, что другъ его склоненъ былъ его обманывать и вообще относился къ нему скорѣе недоброжелательно, между ними возгорѣлась вражда, однажды приведшая къ дракѣ между ними, опасной для жизни, хотя они и старались не встрѣчаться другъ съ другомъ. Въ то время герою разказа было уже 16 лѣтъ. Какъ-то этотъ прежній другъ забрался на крышу дома, чтобы снять флюгеръ, упалъ оттуда и убился до смерти, какъ разъ въ тотъ моментъ, когда авторъ проходилъ вблизи дома, такъ что онъ получилъ извѣстіе объ этомъ непосредственно послѣ несчастья. И вотъ что онъ пишетъ:

„Правда, когда я услышалъ это извѣстіе и быстро пошелъ дальше, я почувствовалъ ужасъ, произведенный во мнѣ этимъ случаемъ; но я могу перебирать себя какъ угодно и не могу вспомнить ни малѣйшаго слѣда сожалѣнія или раскаянія. Мои мысли были серьезны и смутны; но сердце, которому нельзя приказать, въ глубинѣ своей смѣялось и было весело. Еслибъ я видѣлъ, какъ онъ страдаетъ, или видѣлъ бы его трупъ, я думаю навѣрное, что меня охватило бы состраданіе и раскаяніе; но невидимое слово, что мой врагъ однимъ ударомъ прекратилъ существованіе, дало мнѣ только примиреніе, но примиреніе удовлетворенія, а не страданія, — мщенія, а не любви. Я быстро сотворилъ, однако, когда опомнился, искусственную и смущенную молитву, въ которой просилъ Бога о прощеніи, милосердіи и забвеніи; но внутри я смѣялся и еще теперь, послѣ многихъ лѣтъ, я боюсь, что мое позднѣйшее участіе къ этому несчастью есть болѣе продуктъ разума, чѣмъ сердца,—такъ глубоко коренилась во мнѣ ненависть“.

Въ такомъ явленіи вражды заключается второй источникъ нашего нравственнаго несовершенства.

Мы видимъ, что въ человѣкѣ постоянно находились два рода чувствъ въ постоянномъ противорѣчій между собою. Не имѣя силъ бороться со своими эгоистическими побуж-

деніями, но въ то же время переживая и моменты удовлетворенія этихъ побужденій, когда могли свободно возникать въ его душѣ и другія чувства, человѣкъ первоначально и переходилъ отъ однихъ чувствъ къ другимъ, то воспѣвая окружающую природу и выражая свою любовь къ живущему разными ласковыми словами, то предаваясь дѣлу уничтоженія... Съ теченіемъ времени новыя формы жизни дали и новое направленіе этимъ разнороднымъ чувствамъ, которыя стали получать такимъ образомъ опредѣленное содержаніе и развиваться отъ поколѣнія къ поколѣнію.

Именно, когда человѣкъ сталъ жить семьею, у него весьма быстро произошло обособленіе и разграниченіе чувствъ: всѣ чувства доброжелательныя направились на небольшое число лицъ, связанныхъ съ нимъ узами крови и долговременной привычки, всѣ чувства враждебныя человѣкъ перенесъ за предѣлы своей семьи. Затѣмъ, такъ же образовались чувства племенные и народныя, далѣе — чувства патріотическія, когда возникли уже формы государственной жизни. Наконецъ, выяснилась идея человѣчества, какъ единого цѣлаго.

По мѣрѣ того, какъ измѣнялись формы жизни и расширялись понятія, человѣкъ, признавъ свое нравственное несовершенство и неустранимыя противорѣчія между своими нравственными идеалами въ ихъ высшемъ выраженіи и своими эгоистическими побужденіями, пытался найти нравственный идеаль въ предѣлахъ возможнаго и ограничивалъ свои нравственныя стремленія лишь высшими формами жизни. Съ другой стороны, постоянное противорѣчіе между эгоистическими стремленіями отдѣльныхъ лицъ и возникающая отсюда вражда и борьба обусловили возникновеніе идеи возмездія и страха возмездія за явное нарушеніе интересовъ другихъ лицъ. Такъ создалась, такъ называемая, общественная нравственность, по которой цѣлью жизни человека и его нравственною обязанностью считается служеніе интересамъ того общественнаго цѣлаго, къ которому онъ принадлежитъ. При этомъ, въ виду того, что отношенія

человѣка къ другимъ людямъ, вслѣдствіе условій совмѣстной жизни, обусловливаютъ собою наибольшую сумму его нравственныхъ чувствъ и дѣйствій, образовалось заблужденіе, что нравственныя чувства возникли только изъ этихъ отношеній, подобно тому, напримѣръ, какъ развивалась идея права, и что нравственныя чувства развиваются въ зависимости отъ развитія и усложненія общественныхъ отношеній. Въ дѣйствительности же общественная нравственность есть не-что иное, какъ частная формула приложенія нравственныхъ чувствъ, какъ это очевидно слѣдуетъ изъ вышесказаннаго. Но и идея общественной нравственности и, главное, соотвѣтствующія ей чувства еще далеко не нашли всеобщаго распространенія, и въ настоящее время мы имѣемъ и можемъ наблюдать во всякомъ обществѣ, достигшемъ извѣстной степени развитія, слѣдующія формы нравственности:

Во-первыхъ, рѣзкое преобладаніе эгоистическихъ чувствъ надъ нравственными, вслѣдствіе чего человѣкъ совершаетъ нравственныя дѣйствія только въ то время, когда онъ удовлетворилъ свои эгоистическія потребности, чего, при современномъ развитіи потребностей и созданіи нѣкоторыхъ потребностей искусственныхъ, можетъ и не случиться.

Во-вторыхъ, ограниченіе нравственныхъ дѣйствій предѣлами весьма небольшого числа лицъ, преимущественно предѣлами собственной семьи.

Въ третьихъ, ограниченіе своихъ нравственныхъ стремленій интересами извѣстной области или извѣстнаго сословія.

Въ-четвертыхъ, ограниченіе ихъ интересами извѣстнаго народа или государства.

Наконецъ, въ-пятыхъ, распространеніе доброжелательныхъ чувствъ на всѣхъ людей безъ различія національностей и направленіе своей дѣятельности на благо всего человечества.

Кромѣ того, заслуживаетъ упоминанія попытка распространенія нравственныхъ дѣйствій за предѣлы человѣче-

скихъ интересовъ, сдѣланная за послѣднее время вегетаріанцами, которые какъ бы желаютъ воскресить ученіе о пищѣ древнѣйшихъ религій. Правда, распространеніе нравственныхъ стремленій на низшія формы жизни возможно лишь тогда, когда будетъ доказано, что это происходитъ безъ ущерба для формъ высшихъ, что по отношенію къ вегетаріанству предстоитъ еще доказать, но чувства, изъ которыхъ вытекаетъ такое стремленіе, суть вѣдь понятныя, чистыя нравственныя чувства, которыя мы встрѣчаемъ нерѣдко не только по отношенію къ животнымъ, но и по отношенію къ растеніямъ, любовь къ которымъ принимаетъ иногда даже характеръ культа, какъ это наблюдается, напримеръ, по отношенію къ вѣковымъ деревьямъ, уничтоженіе которыхъ считается почти за кощунство.

Такое различіе формъ нравственности обусловливается индивидуальными различіями, съ одной стороны, организациі, съ другой стороны, развитія и будетъ существовать вѣчно, какъ вѣчно будутъ существовать и тупость чувства, и слабость мысли на-ряду съ высокою степенью развитія чувствъ и большимъ интеллектуальнымъ развитіемъ. Въ виду этого и существованіе принужденія будетъ вѣчно необходимо для ограниченія враждебныхъ дѣйствій дурно организованныхъ или мало способныхъ къ нравственному развитію людей. Но отсюда никакъ не слѣдуетъ, что принужденіе и страхъ возмездія, сдерживающія порочныя наклонности, могутъ имѣть какое-либо значеніе въ происхожденіи нравственныхъ чувствъ. Наоборотъ, чѣмъ выше нравственное чувство, тѣмъ менѣе нужно принужденіе, и чѣмъ болѣе значенія имѣетъ принужденіе, тѣмъ болѣе это показываетъ недостаточность развитія нравственныхъ чувствъ. И если страхъ возмездія какъ бы замѣняетъ отсутствіе нравственнаго чувства, отсюда нельзя заключать, что самъ по себѣ онъ есть чувство нравственное. Отсюда слѣдуетъ лишь то, что и чувство исключительно эгоистическое можетъ обусловить дѣйствіе, одинаковое съ тѣмъ, которое обусловливается чувствомъ нравственнымъ, — и только.

Сопоставляя между собою эти различныя формы нравственности, мы видимъ, что между ними существуетъ только количественная разница и что болѣе широкая область приложенія нравственныхъ чувствъ захватываетъ собою предыдущую. Такимъ образомъ, въ самой широкой формулѣ приложенія нравственныхъ чувствъ ко всему человѣчеству заключается, какъ невыдѣлимая составная часть, и приложеніе нравственныхъ чувствъ къ ближайшимъ окружающимъ, въ предѣлахъ семьи. Слѣдовательно, между приведенными формами нравственности существуетъ взаимная связь и не существуетъ никакого противорѣчія, что, къ сожалѣнію, предполагается весьма нерѣдко. Именно, нерѣдко любовь къ семьѣ противопоставляется любви къ обществу, любовь къ отечеству, или патриотизмъ, противопоставляется любви къ человѣчеству. Въ дѣйствительности же не можетъ быть любви къ человѣчеству безъ любви къ отдѣльнымъ людямъ, какъ не можетъ быть любви къ природѣ во всемъ ея цѣломъ безъ любви къ отдѣльнымъ частямъ. Но если между менѣе широкими и болѣе широкими нравственными чувствами не существуетъ никакого противорѣчія, между ними существуетъ, однако, взаимодействие, и притомъ весьма опредѣленное, именно — ограниченіе чувства вражды. Чѣмъ шире область приложенія нравственныхъ чувствъ, тѣмъ меньшее количество людей исключается изъ числа друзей и рассматривается какъ враги. Вслѣдствіе этого происходитъ и нѣкоторое видоизмѣненіе первоначальныхъ чувствъ, которыя смягчаются, дѣлаются менѣе исключительными и болѣе согласуются съ чувствами болѣе широкими. Интересы семьи не побуждаютъ болѣе къ дѣйствіямъ, вреднымъ для общества, интересы человѣчества не допускаютъ служенія одному обществу или народу въ ущербъ большинству остальныхъ людей.

Въ настоящее время господствующей является нравственность общественная, вслѣдствіе чего высшими обязанностями считаются обязанности гражданскія. Съ другой стороны, обязательное согласованіе своихъ дѣйствій съ нрав-

ственными чувствами по отношенію къ лицамъ изъ своего народа не считается обязательнымъ по отношенію къ лицамъ изъ другого народа, и даже вооруженное нападеніе одного народа на другой не считается дѣломъ предосудительнымъ. Такого рода общественная нравственность является господствующей, но она уже не удовлетворяетъ вполне нравственного чувства современнаго человѣка, и мечта о другихъ отношеніяхъ между народами, мечта о томъ, что настанетъ когда-нибудь время, когда орудія смерти станутъ бесполезными, когда пушки будутъ перекованы въ плуги и другія орудія мирнаго труда и борьба будетъ производиться лишь духовнымъ оружіемъ,—представляетъ собою лучшую мечту человѣчества.

Не нужно забывать, однако, что съ достиженіемъ всеобщаго мира у людей еще не исчезнетъ присущее имъ чувство вражды.

Чувства вражды между народами, равно какъ между отдѣльными національностями внутри одного и того же народа или государства, что, къ сожалѣнію, наблюдается какъ обыкновенное явленіе повсюду, суть прямое выраженіе недостаточнаго развитія нравственныхъ чувствъ и, слѣдовательно, могутъ и должны уничтожиться, какъ бы великъ ни былъ потребный для того періодъ времени.

Но чувство вражды вообще, помимо неосмысленной расовой и племенной вражды, имѣетъ основаніемъ для своего возникновенія глубокія свойства человѣческаго духа, которыя выражаются какъ инстинктъ самосохраненія и самозащиты. И всякій разъ, какъ человѣкъ ограничивается въ удовлетвореніи своихъ потребностей другимъ человѣкомъ, въ немъ возникаетъ чувство вражды или, по меньшей мѣрѣ, недоброжелательства. Это чувство возникаетъ при стѣсненіи удовлетворенія всевозможныхъ потребностей человѣка, какъ физическихъ, такъ и духовныхъ. Правда, такъ какъ и собственное нравственное чувство человѣка, и требованія общественной нравственности стремятся ограничить чрез-

мѣрно развивающіяся эгоистическія побужденія, то въ нѣкоторыхъ случаяхъ, когда принудительное ограниченіе согласуется съ этими требованіями, человѣкъ можетъ легко примириться съ нимъ и чувство вражды не возникаетъ. Но какъ только дѣло дойдетъ до потребностей, удовлетвореніемъ которыхъ поддерживается и наполняется индивидуальная жизнь, такъ немедленно возникаетъ и чувство вражды.

Постоянно усложняющіяся отношенія между людьми выработали такого рода условія, что человѣку весьма рѣдко приходится встрѣчаться лицомъ къ лицу съ отнятіемъ у него необходимыхъ для него факторовъ существованія. Такого рода взаимодействіе между людьми давно уже утратило личный характеръ правовыхъ отношеній. Вслѣдствие этого вмѣсто первоначальной борьбы за существованіе возникла борьба за право, борьба за идеи, т. е. за общее и отвлеченное выраженіе условій человѣческаго существованія, борьба за принципы и идеалы. И какъ ни велико разстояніе, отдѣляющее современнаго человѣка отъ первобытнаго дикаря, чувства, возникающія и въ томъ и въ другомъ при нарушеніи того, что они считаютъ необходимыми условіями своего существованія, совершенно одинаковы. Это происходитъ оттого, что происхожденіе чувства вражды обуславливается самой организаціей человѣка.

Мы видѣли, что созерцая природу во всей ея красотѣ и величіи, человѣкъ наполняется высокими эстетическими и нравственными чувствами. Смерть и разрушеніе производятъ въ немъ страхъ и грусть. Но кромѣ моментовъ созерцанія, человѣкъ проводитъ свою жизнь въ дѣятельности, которая и есть единственное выраженіе жизни. Отовсюду онъ оказывается окруженнымъ препятствіями. Слабый и беззащитный, онъ долженъ выдержать суровую борьбу съ природой и людьми для того, чтобъ обезпечить свое существованіе. Грозная природа не даетъ возможности побѣдить себя окончательно, и человѣкъ и не мечтаетъ объ этомъ. Онъ ведетъ однако, въ силу необходимости, борьбу и въ случаѣ побѣды радуется и торжествуетъ, въ случаѣ неудачи

или поражёнія испытываетъ грусть, но не протестъ и не гнѣвъ. Тамъ же, гдѣ препятствія исходятъ отъ живыхъ существъ и, главнымъ образомъ, отъ людей, въ которыхъ человекъ видитъ такую же и нерѣдко даже меньшую силу, чѣмъ его собственная, и гдѣ, слѣдовательно, препятствіе не представляется непреодолимымъ, человекъ испытываетъ чувство вражды и желаніе уничтожить препятствіе. У людодѣловъ это выражалось съдѣніемъ своихъ враговъ, т. е. доведеніемъ дѣла уничтоженія до крайнихъ предѣловъ возможнаго.

Такимъ образомъ, чувство вражды являлось прямымъ результатомъ борьбы съ окружающими условіями существованія, борьба же есть единственно-возможное проявленіе жизни. Добро и зло, жизнь и смерть, какъ и свѣтъ и тьма,— суть понятія, соотвѣтствующія явленіямъ, взаимно исключаящимъ другъ друга; борьба между ними неизбежна, и каждая индивидуальность, можно сказать даже—каждый атомъ мірозданія, уже самымъ своимъ существованіемъ борется за то или другое начало, и если не борется за одно, то борется за другое, такъ какъ между свѣтомъ и тьмою, добромъ и зломъ, жизнью и смертію нѣтъ никакой середины.

Что касается до формъ борьбы, то, къ удивленію, онѣ остались тѣми же. Это—взаимное истребленіе. И какъ первобытный дикарь, такъ и современный человекъ не различаются въ этомъ отношеніи между собою. Борьба за предметы охоты и борьба за высшія нравственныя истины одинаково вела къ истребленію, и достаточно вспомнить распространеніе христіанства, чтобъ увидѣть, какимъ путемъ распространялись въ человечествѣ идеи и ученія наиболѣе чистыя и высокія. Такого рода взаимное уничтоженіе людей, конечно, противорѣчитъ нравственному чувству, и если борцы сами не отдають себѣ въ этомъ отчетъ, будучи увлечены и возбуждены борьбой, то всякій посторонній, безпристрастный зритель поражается ужасомъ, видя такую борьбу.

Такими безпристрастными зрителями являются потомки. Этимъ обусловливается то стремленіе, которое такъ сильно въ каждомъ новомъ поколѣніи, — стремленіе избѣжать ошибокъ предшественниковъ и своей дѣятельностью не увеличить противорѣчій между нравственными стремленіями и необходимостью борьбы. Но какъ ни велико возмущеніе нравственнаго чувства, донинѣ оно не прекратило борьбы между людьми, проистекающей изъ чувствъ вражды и самозащиты.

Но если нравственныя чувства постоянно ослабляются эгоистическими чувствами, вытекающими изъ необходимости поддержанія собственной жизни, и чувствами вражды, вытекающими изъ неизбежности борьбы, тѣмъ не менѣе они не остаются безъ вліянія, и область ихъ примѣненія становится все шире и шире. Борьба индивидуальная совершенно утратила характеръ первоначальный и лишь въ исключительныхъ случаяхъ, когда человѣкъ совершенно подпадаетъ подъ власть страсти, доходитъ до борьбы на жизнь и смерть. Вслѣдствіе этого и цѣнность жизни становится все выше и выше.

Главное вліяніе нравственныхъ чувствъ обнаруживается въ уменьшеніи самыхъ поводовъ вражды, что находится, въ свою очередь, въ прямой зависимости отъ увеличенія пониманія вещей и отношеній, котораго не хватало прежде. Вслѣдствіе такого пониманія многое изъ того, что первоначально казалось вредомъ и зломъ, перестало устрашать человѣка, многое дѣйствительное зло уменьшилось. Въ то же время человѣкъ, болѣе приспособленный къ борьбѣ съ природой, получилъ большую возможность удовлетворенія своихъ потребностей помимо борьбы съ другими людьми.

Такимъ образомъ, очевидно, что все то, что способствуетъ увеличенію радостей въ жизни и уменьшенію страданій, удовлетворяетъ и высшимъ требованіямъ нравственнаго чувства. Множество, быть можетъ, большинство человѣческихъ бѣдствій происходитъ отъ непониманія существующихъ въ

дѣйствительности отношеній и отъ слабости человѣка въ борьбѣ съ природой, отъ слабости, въ свою очередь происходящей отъ недостаточнаго знакомства съ нею. Поэтому само собою понятно, что стремленіе къ познанію истины, т. е. стремленіе къ познанію природы и человѣка, равно какъ и стремленіе увеличить количество радостей и уменьшить количество страданій, обусловливаетъ и высшее выраженіе нравственныхъ чувствъ въ дѣйствіи. Такимъ выраженіемъ служатъ наука и искусство, анализъ и творчество. Первая роль принадлежитъ при этомъ наукѣ, и еслибъ человѣкъ могъ когда-нибудь подняться до той недостижимой нравственной высоты, стремленіе къ которой вложено въ него самою природой, это произошло бы только съ помощью науки, съ помощью развитой и просвѣтленной мысли.

А. Токарскій.
